

✦ Эссе и рассказы

UDC 82-4

DOI: 1606-951X.2016.2.2172

ЛЕВ НЕМЕЙСКИЙ

РАССКАЗЫ

Антоновские яблоки

Хорошо в Подмосковье ранней осенью! Когда и тепло, и не жарко, когда разливаются в медовом воздухе приглушённые звуки поредевшей социальной среды и столь ценимый на просторах отечества дух всеобщей умиротворённости и консенсуса с природой. А уж если после добротного обеда с густым украинским борщом и шашлыком на живых углях выйти, не торопясь полюбоваться на игру солнечных зайчиков на высоких сосновых стволах, то ей богу, начинают приходить в голову самые странные, но, тем не менее, приятные мысли. О том, к примеру, что человек, вообще-то, может быть, не такая уж мразь и сволочь, а жизнь не так уж идиотична и бессмысленна, как обычно кажется нормальному человеку в нормальном состоянии. Но это, повторю, именно после хорошего обеда. А если не очень... А если совсем без обеда? Да ещё и без ужина? Да при смутных видах на завтрак? Тогда уж и жить окончательно расхочется.

Вот эта проблема во всей своей нелицеприятной остроте встала перед двумя творческими разгильдяями, которых судьба в лице весьма серьёзного на вид телепродюсера забросила в подмосковный писательский посёлок. Здесь, живя на даче заказчика, им предстояло к оговоренному сроку написать сценарий залихватского боевика под названием «Подпальный миллионер». Первый вариант названия «Ментовские морды» был заказчиком отвергнут.

На пятый день соавторы — Овощук и Кобриков с удивлением столкнулись с таинственным фактом. Весь задаток гонорара, оставленный заказчиком, оказался непостижимо быстро проеден, точнее, пропит. А заявиться за материалом и подкинуть ещё деньжат заказчик, непробиваемый гад и жлоб, обещал не раньше, чем через неделю. Вот такая вышла обезьяна, как любил говаривать Овощук.

И как она так вышла? И вино-то не особо дорогое. И водка. И портвейн. И вермут. И кагорчик... А пиво — так вообще копейки! Нет, что-то неладно с законом сохранения!

Последний поход в местную столовую был особенно памятен.

— Сочников! На все! — решительно заявил Кобриков, рассыпая перед кассиршей горсть уныло-звонкой мелочи, разбавленную одинокой замусоленной бумажкой. Кассирша промолчала, но одарила творческий дуэт таким по-верблюжьему надменным взглядом, который впечатлительные люди запоминают на всю оставшуюся жизнь. По-братски поделив полтора сочника на двоих и, тем самым, распрошавшись

с сытой жизнью, литераторы оказались в довольно тоскливом положении. Пытались отвлечься работой. Не тут-то было! Вместо серьёзных сюжетных интриг с кровавым мордобоем, групповым скотоложеством, долгими головокружительными погонями, садистическим изнасилованием несовершеннолетних и прочими обязательными атрибутами высокохудожественного сценария, в голову лезла всякая коварная чепуха. Назойливо рисовались ресторанные сцены.

— Вот, значит, входит Чириевский в ресторан... — начал было представлять Кобриков, раскачиваясь на стуле и нервно теребя жидкую меньшевистскую бородёнку, делавшую его похожим на уездного Мефистофеля.

— Та-ак... А эта сука, капитан Кудеяров, его там уже ждёт, переодевшись армянском... — подхватил Овощук, прохаживаясь взад-вперёд по дощатой дачной террасе и покусывая прозаическое пластмассовое стило.

— Ну да... Вроде так... Подходит он, значит, к столику, — продолжал Кобриков, запрокидывая голову и устремляя в небо тощий кадык. — Подходит он, прямо к столику, где сидит Авокадзе.

— С двумя шлюхами! — взмахнул пухлыми руками Овощук. — Только не Авокадзе, в Недошвили.

— Недошвили утопили. Забыл?

— А, ну да! Подходит и говорит: «Привет тебе, сука, от Соплягина». Или нет — «Где, сука, товар от Соплягина»?

— Нет! Нельзя так в лоб! Подходит...и говорит... Официант! Сифуд коктейль, салат «Савойя», королевские креветки, ведро шампанского и ...

— А булочку «Блокадную» не хочешь?! Ты хоть слышишь, чего плетёшь, паскудник?

— М-да... Не то! В общем, потом Авокадзе в него стреляет, шлюхи в крик и по сторонам, вылетает Кудеяров и стреляет в Авокадзе. Чириевский бежит...бежит, бежит... Кудеяров, значит, за ним... Тот забегает на кухню — воодушевленно развивал мысль Кобриков, — и там переворачивает стол...

— А на столе поросёнок жареный в зелени, вот такой монстр прищуренный! И огурчики, огурчики... Летят огурчики на пол и прыгают как резиновые... Кудеяров стреляет, попадает на лету в помидор, и томат по стенке, как кровь... А помидор «бычьё сердце» — ловишь символ? И всё так заме-е-е-дленно!

— Да-да! И цыплёнок жареный взлетает! Так кто тут паскудник?! — от возмущения Кобриков так сильно качнулся на стуле, что повалился назад и грохнулся на пол.

— Ну, ладно, поросёнок — это, конечно, штамп...

— Сам ты штамп! Ну, ладно, надо что-то актуально придумывать на конкретную тему практической жратвы. А то так ни фига не напишем!

— Сначала не напишем, а потом вовсе загномся! — согласился соавтор. — Слышь, Кобрик, я слово новое придумал — послезавтрак.

— А конструктивные идеи есть? Хлебников, понимаешь!

— Да, и хлеб, конечно! Такие кусочки, картами по полу стелятся...

— Совсем сдурел, старик? Слушай, а точно, что на этой чёртовой даче погреба нет?

— Да, справедливо подмечено, что русскому человеку свойственна праздная мечтательность. А «чёртова дача» — это неплохо. Это, знаешь ли, образ. Дача чёрта... Ты лучше скажи, какая конкретно падала сказала, что талант должен быть голодный? Ох, как бы я его сейчас за горло подержал!

– Конструктив, конструктив давай!

– Легко сказать, конструктив! Если уж со вчерашнего дня конструктив не показался, то...

– Будем постепенно снисходить до людоедства.

– Начнём, конечно, с соседей?

– Ну, а с кого же ещё. Та-а-к... Кажется, есть идея. – Кобриков возбуждённо вскочил и забегал по террасе в противофазе коллеге.

– Насчёт Авокадзе?

– Насчёт пожрать, труженик неутомимый!

– Какие могут быть идеи, когда все бутылки сданы?

– Тут через улицу, прямо напротив помойки, дача такая стоит, в колониальном стиле, видел?

– Было чего-то...

– Так вот, живет там одна старуха. Писательница. Вроде как даже известная. А зовут её Эльза Фарш.

– Это псевдоним такой? – заинтересовался Овощук.

– Да нет, вроде.

– Тогда интересно. А пишет о чём?

– Ты что, читать собрался? Чукча читатель?

– Чукча не читатель, и даже не писатель. Чукча редактор. Ну, ладно, ближе к делу. Прямо вот так и съедим старушку?

– Я с ней как-то в Домжуре трепался. Ну так, о том, о сём. Между прочим, приглашала... Неотчётливо, конечно, непонятно куда, непонятно когда, но чего-то обещала рассказать.

– Надо к ней на обед заявиться!

– Ох, и догадлив же ты! Как в тяжёлую воду глядишь! Так, сейчас у нас без семнадцати двенадцать. Обедать она будет, как все прилежные обыватели, часа в два, в три.

– Не промахнуться бы.

– Пойдём к половине третьего. А там – по обстановке.

– Ой, пиши, пиши, старуха – позолоченное брюхо!.. – прибодрившись, запел Овощук.

– Ты пока что не радуйся, давай, что там у нас с Чириевским? Ресторанную сцену пока пропустим.

Кто не знает, как порой тянется время! А время умеет тянуться! Подло, безжалостно, бесконечно! В конце концов, психологический момент для выхода из дома настал, и уже через пять минут друзья стояли перед по-купечески добротной калиткой маститой коллеги по цеху. Ворчливым шмель прогудел звонок, и наступила тягостная пауза.

– Судя по запаху – вовремя! – авторитетно изрёк Овощук.

– Предвкушаю котлеты. Возможно, даже по-киевски.

– Ух ты, спец какой! А я вот чую – вареники грядут. С вишней. В крайнем случае, с творогом. Но в сметане – это сто процентов.

– Иду! – отозвался вдруг из глубин дома бодрый голос хозяйки.

Эльза Сигизмундовна Фарш была весьма мала ростом, но при этом бодра и энергична. На щеках её играл жизнеутверждающий румянец, в мутных черепаших глазках играли отблески исторического оптимизма, а фривольная соломенная шляпка

придавала ей даже нечто пасторальное. Вопреки сомнениям Кобрикова, она тут же его вспомнила и одарила друзей цепким, как у младенца, рукопожатием.

— Вот здесь устраивайтесь. И почувствуйте себя почти как дома. — Хозяйка указала на пару стульев у стола в углу большой наполовину застеклённой веранды. — А я сейчас подойду.

Нежданные гости сели, куда было указано, и огляделись. В другом конце веранды стоял ещё один стол, накрытый трогательной белой скатертью. На нём красовалась помпезная барочная ваза, наполненная почти неправдоподобно крупными яблоками. Друзья торжественно переглянулись.

— Порядок, только подождать ещё надо. — Заключил Овощук.

А между тем букет запахов, доносившийся из дома, издевательски усиливался. В нём уже чудились ароматы восточных пряностей, сладких испанских вин и ещё бог знает чего. Наконец, из двери, ведущей в дом, показалась хозяйка. От запаха котлет, успевшего ударить из открывшейся на секунду двери, друзья чуть не попадали со стульев.

— Вы как тут, не соскучились? — весело спросила Эльза Сигизмундовна, по-приятельски подсаживаясь к гостям.

— Да нет, отчего же... — мучительно выдавил Кобриков. — такой вид чудесный.

— И воздух... — добавил Овощук.

— Так вот, помнится, я вам обещала рассказать, как мы с делегацией ездили на симпозиум в Вену.

— Да-да, именно! — закивал Кобриков.

— Да-а, друзья мои, Вена — удивительный город! Париж, конечно, тоже не плох. Но в Вене есть своя особая изюминка, которой нет больше нигде в Европе. Если выйти к собору святого Стефана...

Устная экскурсия по достопримечательностям Вены длилась минут двадцать. В течение последних десяти из дома то и дело доносились глухие невнятные звуки, издаваемые неким трудно определимым существом, и которые, судя по интонации, призывали писательницу вернуться в дом.

В конце концов, хозяйка вяла призывам, приостановила свой захватывающий рассказ и скрылась за дверь. Некоторое время друзья сидели молча.

— Помнишь, у нас там в начале ювелир Жмуржидовский глотает бриллианты, чтобы ментам не отдавать? — глухим полумёртвым голосом спросил Кобриков.

— Ну...

— Я бы сейчас и от бриллиантов не отказался.

В ответ Овощук звероподобно вздохнул и заёрзал на стуле.

Прошло около получаса.

— Так вот, в музее Венской Академии художеств есть удивительное полотно позднего Тициана... — как ни в чём ни бывало, продолжила Эльза Сигизмундовна, бодро выскакивая на веранду, почти незаметно утирая губы салфеткой.

Впрочем, эта красноречивая деталь не ускользнула от обострённого внимания гостей.

— ...И там есть старики, которые помнят ещё художников Сецессиона!

— Пишите, старики, пишите! — буркнул Овощук.

— Что вы?

— Да нет, это я так, про себя...

– Мы беседовали с современными австрийскими писателями в университете...
«С современными... А с какими же ещё! С Кафкой, что ли!» – угрюмо размышлял Кобриков, исподлобья глядя на вдохновенную рассказчицу.

Прощебетав ещё с полчаса, писательница снова вежливо удалилась.

В течение следующих двадцати минут друзья не проронили ни слова.

– Овощ, – окликнул Кобриков приятеля, как обычно делая ударение на втором слоге. – Тебе интересно?

– Мысленно записываю. А фамилия моя, между прочим, не от слова «овощ», а от слова «ваше».

– Ладно, ты мне вот что скажи. Тебе какой сейчас классический персонаж представляется?

– Раскольников.

– Во! Опять в тяжёлую воду глядишь!

– А вот и я! – послышался по-прежнему бодрый, но с ноткой умиротворённой усталости, как показалось, голос хозяйки. На ходу она что-то торопливо дожёвывала и столь же поспешно глотала.

– Что-то вы, друзья, приуныли! Вы извините, что я...туда-сюда. Сами понимаете...

– Понимаем, – скорбно кивнули друзья.

– А что это вы, в самом деле, такие грустные. Плохо пишется?

– Ну да, что-то в этом роде. – промямлил Овощук.

– А вот был такой случай с Буниным. Приходит Бунин к Толстому и жалуется – не пишется! А Толстой говорит: «Вот вы и пишете, что Вам не пишется!» Это про вас, друзья мои!

– А ещё он сказал: «Если можешь не писать – не пиши!» Это про...

– Совершенно верно! Это тоже замечательно сказано! – восторженно перебила Кобрикова хозяйка. – Я, извините, опять отлучусь. Надо там кое-что закончить...

– Да-да, конечно... А можно мы за тот стол пересядем, оттуда такой вид открывается...

– Разумеется, как пожелаете! – благожелательно ответила писательница, исчезая за дверью.

– Ну, Кобрик, как тебе кофе по-венски?

– Но уж яблочек-то мы сейчас навернём!

– Давай, пока старуха компот доедает!

Схватив по яблоку, друзья одновременно застыли в позах вакхических статуй с открытыми ртами.

– Это не яблоки! – чуть не крикнул Овощук.

– Муляжи, – пояснил Кобриков, – дурилка восковая. Детишкам натюрморты писать.

– Та-ак... Натюрморт, достойный кисти Айвазовского!

Несколько раз деловито подбросив в руке яблоко, Овощук с размаху швырнул его в глубину сада. В ответ послышалось недовольное собачье рычание.

– Во! Первый шар в лузу! – довольно ухмыльнулся Овощук.

– Тэ-эк-с? А здесь что у нас?

Кобриков подошёл к полусохшему кактусу в глиняном горшке и решительно насадил на его хилые иголки аж три яблока.

– Как, оживляет?

– Ты дизайнером не работал?

– Ладно, пошли со старушкой прощаться, а то мы тут такой дизайн сотворим...

Возвращение домой было сродни дороге на Голгофу. Словно символ безнадёги, показалась и зелёная крыша продюсерской дачи. И тут Овощук внезапно остановился как вкопанный.

– Есть конструктив! Сегодня у нас какое?

– Четырнадцатое, если мне не изменяет география.

– Помнишь, крендель такой мордастый... Я с ним ещё курил в тамбуре. Ну, когда сюда ехали? Ну, здоровый такой детина, глазки пороссячи и волосики такие на носу...

– Ну, так что?

– Тоже писатель. Бык – его фамилия. Парамон. Из этих самых долбанутых... Грунтовиков, то есть народников...

– А-а... Ну, знаю я их, придурков...

– Так вот, слушай сюда! Приглашал! Конкретно! Говорил, что тринадцатого откуда-то там вернётся, а на четырнадцатое в гости звал. Конкретно, понимаешь?

– И где же обитает кормилец?

– Да здесь, недалече. Через две станции. Сиволобово, Котлищи, а потом Недоделкино. Такой же писательский вертеп. Там он и торчит.

– Ага, значит, к ужину...

Друзья решительно двинулись на станцию. Электрички, конечно, подходить не торопились. Впрочем, некоторые торопились, и даже чересчур. С ветерком и свистом пролетали мимо, не думая останавливаться. И снова друзьям приходилось тоскливо топтаться у края платформы, всматриваясь в безупречную ренессансную перспективу рельс, шпал, проводов и столбов, надеясь разглядеть на мутном горизонте красно-зелёную железную морду.

Наконец, они уселись на драные сиденья электрички и, убедив себя, что появления контролёров на столь коротком отрезке пути маловероятно, немного расслабились.

– Слышь, а что он пишет-то, Бык этот твой? – спросил Кобриков

– Чукча читатель?

– Да так просто...

– Он писака тот ещё! Полчаса меня грузил... Вот написал он, к примеру, роман “Конь”. В четырёх частях, с прологом и эпилогом. А ещё он написал что-то такое народное... Эпическое. “По великой нужде” называется. Сейчас сценарий по этой фигуре крапает. А ещё про какие-то антикварные колокольчики плёл. Из какой-то там Нижнехамской губернии. Он их то ли из церкви спёр, то ли прямо из земли выкопал...

На станции Недоделкино электричка, вопреки мрачным опасениям друзей, всё-таки остановилась. Это было даже как-то подозрительно: мелкое везение, как свидетельствует жизненный опыт, предвещает большую пакость.

– Так, вот синий дом с голубым сараем! – провозгласил Овощук после получаса блужданий среди дачных кущ и заборов. Там поэт Ишаковский живёт.

– М-да? И хорошо живёт?

– Думаю, неплохо... Но он нас не интересуется. Это для ориентира. Ага... а вот напротив дом с флюгером в виде Ленина, видишь? Это критика Слюнявского дача.

– Экскурсия по Вене, часть вторая. Ты имей в виду, я в Вену больше не ходок.

– Терпи, цель близка... Во, вот этот дом его!

И дом, и сад, и калитка выглядели весьма внушительно. Последняя кроме электрического имела ещё и ручной звонок. Однако ни тот, ни другой жизнь в доме не пробудили.

– Слышь, Овощ, а это не он там, в чёрном лапсердаке, в саду руками машет? – деловито поинтересовался Кобриков, заглядывая за забор.

– Ты чего, это ж пугало.

– А жаль... Между прочим, если всё время на огороде торчать, то и пугало не понадобится.

– Это ему скажи.

– Да уж сказал бы! Да где ж он, Буйвол-то твой, мать его?..

– Нету Быка! – трагически отвечив Овощу. – Кинул, паскудник!

– А мы-то с тобой кто?

– Полезли! – с неожиданной решительностью выкрикнул Овощу, с удивительной для его полноватой фигуры ловкостью перемахивая через забор.

– Та-а-к... Значит, входит Чириевский в ресторан... – зловеще провозгласил Кобриков, следуя за приятелем. – И видит... Овощ, у тебя шар есть?

– Воздушный?

– Любой.

– Зачем?

– Покатить! Всё обобрал, деспот! Одни шланги остались!

– Не спеши, может и найдём чего... Во! Эти уж настоящие! – указал Овощу на живописную яблоню в глубине сада.

– Будем надеяться...

– Похоже на антоновку.

– Этот сорт называется тапировка.

– Не тапировка, а папировка. Тапир – это зверь такой. Не то осёл, не то чёрт знает что. В Южной Америке живёт, и нос у него ещё такой, то ли рыло, то ли хобот.

– Вот-вот, он ещё немым фильмам на рояле аккомпанировал.

– Так-то тапёр, а не тапир!

– Где тапёр, там и тапир, и яблоко в его честь назвали. Очень он их любит, понимаешь? И распознаёт мгновенно...

– Ладно, хорош! – подытожил Овощу, останавливаясь перед яблоней. – Вот такая вот обезьяна! Ну что, тряхнём, что ли?

– М-м-м... – поморщился Кобриков. – Пошло это и бескрыло... Просто взять и обтрясти. Где полёт? Где фантазия?

– Верно, – согласился Овощу, – да и мелким хулиганством отдаёт.

– Значит, сценарий такой... – немного подумав, объявил Кобриков. – ты человек мордастый...

– Но-но-но...

– ...И местами даже грузный. А я местами худой и тонкий. Поэтому я лезу тебе на спину и надкусываю каждое яблоко.

– Ага! Это изящно... Только потом поменяемся, чтобы мне тоже досталось.

– Достанется! Я тебе сверху каждый второй выкушенный кусок сплёвывать буду.

– Спасибо, кормилец!

– Ладно, давай... Вот как выскочит сейчас хозяйский барбос, да как схватит тебя за жопу! – приговаривал Кобриков, взгромождаясь на плечи Овощуку.

– Так сам же и покатишься как та коляска с Потёмкинской лестницы.

Однако всё было спокойно, и лишь звук смачно надкусываемых яблок врывается в идилическую тишину предвечернего сада. Внезапно звук прекратился. Овощук почувствовал, что его приятель наверху застыл в странном оцепенении.

– Ты чего? Тебя там часом понос не пробрал? Тогда давай слезай по-быстрому, а то, в моём положении...

– Ты знаешь... – послышался сверху сдавленный и пугающе серьёзный голос Кобрикова, – тут на каждом яблоке номер стоит. Химическим карандашом.

– Ты меня не смей, а то конструкция не выдержит!

– Я серьёзно.

– Ну и выкусывай номера к ядреней фене!

Кобриков не шевелился.

– Знаешь, Овощ, мне что-то есть расхотелось. – Произнёс он с такой интонацией, которая вполне подошла бы для завершения какой-нибудь из лучших трагедий Шекспира.

– Мысленно я тебя понимаю, – выдержав классическую театральную паузу, ответил Овощук.

Однако Шекспира рядом не было, и изречь великую фразу «Дальнейшее – в молчании» было некому.

Смерть Ивана Лукича

Посвящается русской классической литературе

«Отчего бы мне нынче не умереть?» – подумал Иван Лукич и задумался. «В самом деле, ведь должен же всякий человек когда-нибудь умереть. Да и кому нужна такая никчемная, тоскливая, бесполезная, такая русская, русская жизнь! Непременно сегодня умру!» – решил Иван Лукич и улегся на диван. – «Да! да, да, да! И ничего то я, сукин сын, путного в этой жизни не сделал. Зря только хлеб божий ем!» Тут ему в который раз вспомнилось, как в далеком детстве он утащил из буфета зеленую леденцовую палочку, обладание которой должно было наполнить его жизнь высоким и таинственным предназначением. Съесть палочку он так и не осмелился, и зарыл ее в саду, отметив заветное место особым знаком – спалив близлежащий муравейник. С тех пор жестокие угрызания совести не покидали истерзанной души Ивана Лукича. Всякий раз, особенно после возвращения из суда, где он был присяжным заседателем, роковая зеленая палочка являлась ему в кошмарных снах. И тогда Иван Лукич в ужасе просыпался в холодном поту от собственного крика: «Матушка, матушка, это я украл леденцовую палочку!»

На глаза Ивана Лукича навернулись слезы. В такие минуты он чувствовал себя особенно ничтожным и порочным человеком и невыносимо стыдился своего существования. С трудом овладев собой, он широко открыл глаза и, чтобы отогнать слезы, сосредоточился на прозрачных червячках, плывущих и тающих перед его взором. «Боже! Какой чудный потолок! Какой белый и девственно чистый! И какой высокий! Отчего же я раньше не замечал этого чудного потолка!» Чувство волнительного восторга наполнило душу и принесло в нее покой и умиротворение. Стеклитые червячки плыли по потолку, как облака, и чувство торжественного покоя и величия грома-